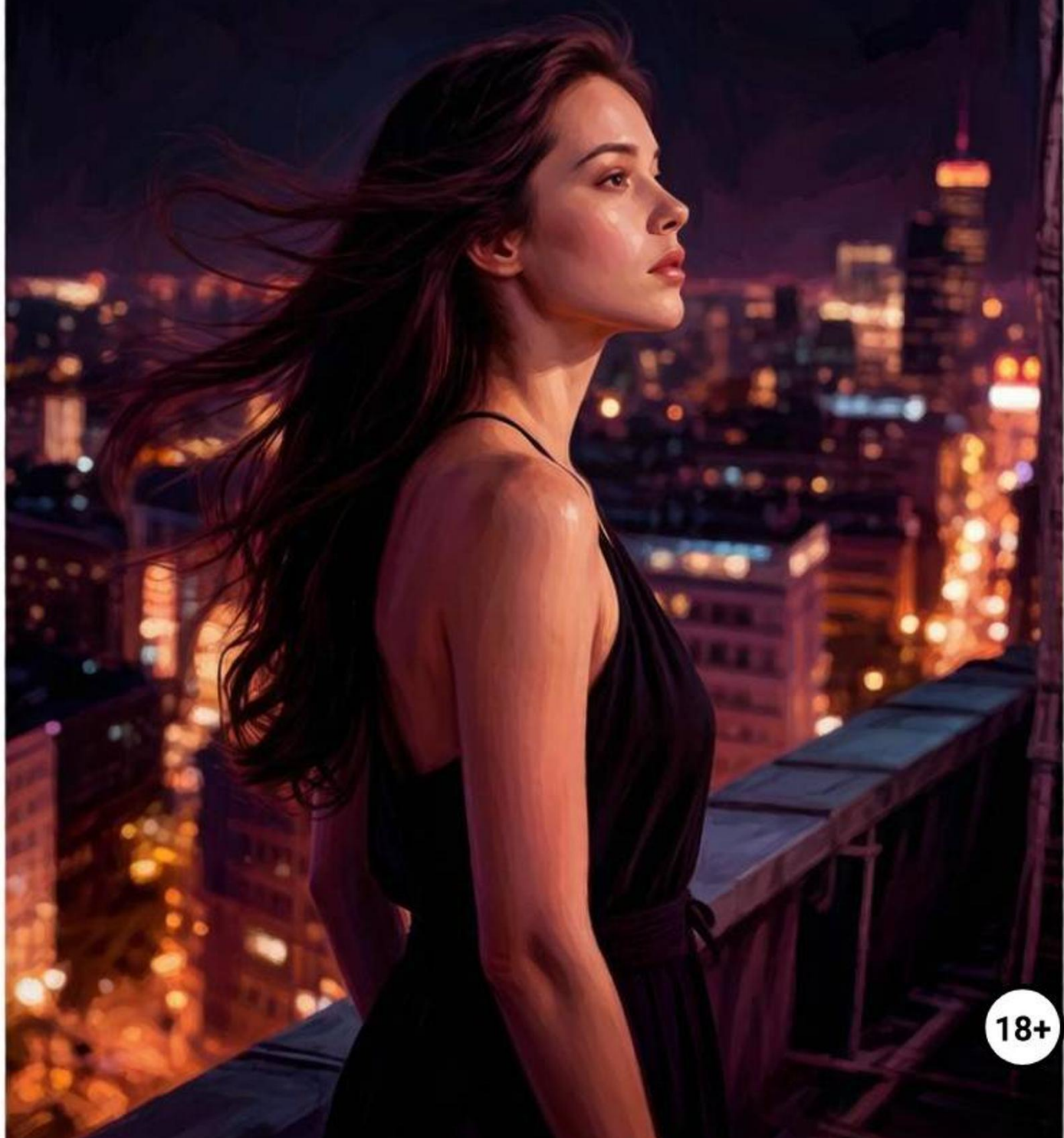

АНЖЕЛА НАУМОВА

ГРАНЬ

18+

Анжела Наумова

Грань

«Автор»

2026

Наумова А.

Грань / А. Наумова — «Автор», 2026

Она стоит на краю крыши. Он задерживает её на границе. Она снимает кольцо перед встречей с чужим мужчиной. В этом сборнике — тридцать историй о женщинах, которые переступают черту. Кто-то бежит от прошлого. Кто-то ищет забвения. Кто-то хочет разрушить всё. Но всех их объединяет одно: они готовы платить за свою свободу. Даже если цена — боль. Даже если цена — любовь. 18+

© Наумова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Рассказ 1. Последняя ночь в городе	5
Рассказ 2. Стеклоанный потолок	8
Рассказ 3. Последнее дыхание	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Анжела Наумова

Грань

Рассказ 1. Последняя ночь в городе

Она стояла у окна в гостиничном номере и смотрела на город, который завтра перестанет быть её городом. Огни тянулись до горизонта, дрожали в тёплом воздухе, как тысячи свечей. Седьмой этаж, старая гостиница с облупившимся фасадом, где она остановилась на одну ночь. До вылета — двенадцать часов. Она знала, что никогда не вернётся. Билет был куплен. Квартира продана. Работа написана. Всё, что можно было закончить, она закончила. Осталась только эта ночь. В номере пахло сыростью и старым ковром. Где-то за стеной капал кран. Гул лифта поднимался снизу, как дыхание старого механизма. На столе осталась чашка с остывшим чаем. Она посмотрела на неё и поняла, что больше никогда не выпьет чай в этой комнате. Она смотрела на телефон, который лежал на подоконнике. Его номер был в списке контактов под именем «М». Она не удалила его за три года. Она знала, зачем сохранила. Она взяла телефон. Набрала номер. Сделала глубокий вдох. За окном, на мокром асфальте, прошла женщина с коляской. Она не смотрела вверх. Где-то за стеной включили телевизор — соседи смотрели новости. Город жил своей жизнью. А она стояла и ждала его голоса. — Алло, — сказал он. Голос был низким, хрипловатым. Как будто он тоже не спал много ночей. — Это я, — сказала она. — Я знаю. Я ждал твоего звонка три года. — Я улетаю завтра. Навсегда. — Знаю. Я слышал, что ты продала квартиру. — Тогда зачем ты ждал моего звонка? — Потому что я знал, что ты позвонишь. Что ты не сможешь уйти, не попрощавшись. Она смотрела на огни города. Внутри неё поднималось что-то, что она пыталась похоронить три года назад. Запах его одеколона — смесь дерева и цитрусов. Голос — низкий, хрипловатый. Его руки на её коже. Его дыхание у её уха. Она помнила всё. Каждую родинку на его спине. Каждый шрам. Каждое прикосновение. — Тогда приходи, — сказала она. — Сейчас. Я в «Старом городе». Седьмой этаж. — Я буду через десять минут. Она положила телефон. Смотрела на своё отражение в тёмном стекле. Увидела женщину, которая устала быть правильной. Которая хотела быть свободной. Хотя бы на одну ночь. За окном проехала машина, расплескав лужу. Где-то вдалеке сигналили. Город не спал. И она не спала. Он постучал в дверь через девять минут. Она открыла. Он стоял на пороге, высокий, в чёрной рубашке, с усталыми глазами. В руках он держал две чашки кофе и маленький бумажный пакет — из пекарни, где они когда-то завтракали. За его спиной, в конце коридора, хлопнула дверь. Кто-то вышел. Она не обернулась. Она смотрела только на него. Она впустила его. Он поставил чашки на подоконник. Протянул ей пакет. Внутри был круассан. Тот самый, с миндалём, который она любила. — Откуда ты помнишь? — спросила она. — Я помню всё. Помню, как ты смеялась, когда я уронил чашку в тот день. Помню, как ты взяла мою руку, когда мы переходили дорогу. Помню твой запах, когда ты засыпала у меня на плече. Помню каждую родинку на твоей спине. Каждый звук, который ты издавала, когда я касался тебя. Она смотрела на него. Внутри неё дрогнуло что-то, что она прятала три года. Она сжала пальцы в кулаки. Ногти впились в ладони. Боль была реальной. Она хотела чувствовать что-то реальное. — Ты не должен был приходить, — сказала она. — Я знаю. — Я улетаю завтра. — Я знаю. — Мы не увидимся снова. — Я знаю. — Тогда зачем ты здесь? Он подошёл к ней. Остановился в полушаге. Она чувствовала его дыхание — тёплое, ровное, с ноткой мяты и кофе. Она чувствовала его запах — тот же, что и три года назад. Она чувствовала его близость — и это сводило её с ума. — Потому что я хочу запомнить тебя настоящую. Не из прошлого. Настоящую. Ту, которая стоит здесь и смотрит на меня так, будто хочет разрушить всё. — Я хочу разрушить всё, — сказала она. — Я хочу разрушить себя. Я хочу, чтобы ты разрушил

меня.— Тогда позволь мне быть твоим разрушением. Она притянула его к себе. Поцеловала. Жадно. Глубоко. Чувствовала его вкус — кофе, мята, горечь. Чувствовала его руки на своей спине, его дыхание, его близость. Его пальцы сжали её плечи. Она застонала.— Я хочу тебя, — прошептала она.— Я хочу тебя. Она отстранилась. Посмотрела в его глаза.— Тогда иди за мной. Она повела его по узким переулкам, через старые фонари и ночной парк. Дождь только что прошёл, асфальт блестел под ногами, отражая свет. Где-то играла музыка, где-то смеялись люди. Она не слышала ничего, кроме его дыхания за спиной. Мимо прошла пара — они смеялись, держась за руки. Она смотрела на них. Она не хотела быть как они. Она хотела быть свободной. Она хотела быть разрушенной.— Куда мы идём? — спросил он.— Ты хотел запомнить эту ночь?— Да.— Тогда иди за мной и не спрашивай. Она привела его на старую крышу. Пятиэтажка в центре, с которой открывался весь город. Огни тянулись до горизонта. Ветер доносил запах реки и нагретого за день асфальта. Где-то внизу, на улице, разговаривали люди — их голоса поднимались вверх, но слов было не разобрать. Город дышал. И она дышала.— Я прихожу сюда, когда хочу сбежать от всего, — сказала она.— От чего ты бежишь сейчас?— От себя. От того, что я боюсь почувствовать. Она повернулась к нему. Ветер шевелил её волосы, и они падали на лицо. Он подошёл ближе. Коснулся пальцами её подбородка. Приподнял. Заставил смотреть в глаза.— Не беги, — сказал он.— Я должна.— Тогда позволь мне быть твоей последней остановкой. Она не ответила. Она просто поцеловала его. Поцелуй был медленным, глубоким, как будто она пробовала его на вкус. Его язык коснулся её губ, и она открылась. Его руки скользнули по её спине. Она прижалась к нему. Чувствовала, как его сердце бьётся — быстро, неровно. Чувствовала его пальцы, которые сжимали ткань её платья. Она отстранилась первой. Посмотрела на него.— Я хочу тебя, — прошептала она.— Я хочу тебя.— Здесь? Сейчас?— Да. Она растянула его рубашку. Провела пальцами по его груди, по тёплой коже, по шраму на ребре, который она помнила. Она смотрела на шрам. Провела по нему пальцами. Он был грубым, неровным. Она представила, как он лежал на асфальте. Как смотрел в небо. Как думал о ней.— Что это? — спросила она.— Ты ушла. Я перестал смотреть по сторонам. Она провела пальцами по шраму. Наклонилась. Поцеловала его. Он вздрогнул.— Теперь ты смотришь? — спросила она.— Теперь — да. Она стояла перед ним. Сняла платье. Оно упало на асфальт, оставляя её в одном белье — кружевном, чёрном, почти прозрачном. Он смотрел на неё, и в его глазах горело желание. Она сняла лифчик. Он упал на пол. Она смотрела на него. Она хотела, чтобы он запомнил это. Запомнил её. Такой. Свободной. Безумной.— Я хочу, чтобы ты запомнил это, — сказала она.— Я запомню. Он провёл пальцами по её плечам, по шее, по ключице. Она дрожала. Не от холода — от его прикосновений. Его пальцы скользнули ниже, к её груди. Он сжал их. Она застонала.— Я хочу тебя, — сказала она. Он притянул её к себе. Поцеловал. Жадно. Глубоко. Она чувствовала его пальцы на своей спине, его дыхание, его близость. Он поцеловал её в шею. Она выгнулась навстречу. Его руки скользнули по её бёдрам. Он сжал их. Она застонала. Громче, чем хотела. Он взял свой галстук. Посмотрел на неё.— Ты доверяешь мне? — спросил он.— Да. Он завязал ей глаза. Галстук был шёлковым, тёплым, гладким. Она ничего не видела. Только чувствовала его запах. Его дыхание. Его руки.— Ты боишься? — спросил он.— Я хочу чувствовать тебя. Только тебя. Он опустился на колени. Его лицо оказалось между её бёдер. Она чувствовала его дыхание на своей коже. Тёплое, ровное.— Я хочу чувствовать тебя, — прошептал он. Его язык коснулся её. Она вздрогнула. Выгнулась. Вцепилась пальцами в его волосы. Она чувствовала, как внутри поднимается волна. Как её тело отзывается на каждое его движение. Она чувствовала его пальцы, которые сжимали её бёдра. Она чувствовала его дыхание на своей коже. И она ничего не видела. Только чувствовала.— Я хочу чувствовать, как ты ломаешь меня, — выдохнула она. Он ускорился. Она закричала. Громко, не сдерживаясь. Она чувствовала, как пульсация проходит через всё её тело. Как он продолжает двигаться, продлевая её оргазм. Она дрожала, выгибалась, сжимала его плечи. Он поднялся. Она стояла перед ним, обнажённая, с бёдрами, всё ещё помнящими его прикосно-

вения. Галстук всё ещё был на её глазах. Она ничего не видела. Только чувствовала. Он снял галстук. Она смотрела на него. Его рубашка была расстёгнута. Его дыхание было тяжёлым.— Теперь я хочу тебя, — сказала она.— Ты уверена?— Я хочу чувствовать тебя внутри. Он лёг на неё. Его рубашка была расстелена на асфальте. Она чувствовала его тяжесть, его жар, его дыхание у своего уха. Его пальцы скользнули по её бёдрам.— Я хочу, чтобы ты смотрел на меня, — сказала она.— Я буду смотреть. Он соединился с ней — грубо, глубоко, чувствуя, как она дрожит в его руках. Она закричала. От того, что ждала этого три года. От того, что чувствовала себя живой. Она обхватила его ногами. Притянула к себе. Её ногти впились в его спину.— Быстрее, — прошептала она. Он ускорился. Она чувствовала его — полностью, без остатка. Чувствовала его пальцы на своих бёдрах. Его пальцы скользнули вниз, нашли центр её удовольствия. Она чувствовала, как внутри поднимается вторая волна. Как его дыхание становится прерывистым. Как его пальцы и его тело работают в одном ритме. Она чувствовала вкус его кожи — солёный, с примесью ночи. Она закричала. Громче, чем в первый раз. Она смотрела в его глаза, не отрываясь, когда волна накрыла её. В этих глазах она видела себя — настоящую, свободную, разрушенную и целую одновременно. Её тело дрожало, выгибалось. Он чувствовал её — всю, без остатка. Она вцепилась в его плечи, чувствуя, как он продолжает двигаться. Она дрожала. Она сжимала его. Он замер. Поцеловал её в губы. Она лежала на его груди. Слышала, как бьётся его сердце. Только их дыхание нарушало тишину ночи. Небо над ними было ясным. Огни города — далёкими. Где-то внизу прошла машина. Где-то засмеялись люди. Город продолжал жить. А они лежали на крыше, два человека, которые разрушали себя друг в друге. Она почувствовала, как по щеке скатилась слеза. Не от боли. От того, что она наконец позволила себе быть слабой.— Я никогда не делала этого на крыше, — сказала она.— Я тоже.— Ты первый. Он улыбнулся.— Спасибо. Она посмотрела на него. На его лицо, освещённое звёздами.— Завтра я улечу.— Я знаю.— Ты будешь скучать?— Я буду помнить эту ночь. Она поцеловала его. Сняла с шеи цепочку с кулоном-полумесяцем. Вложила ему в ладонь.— Возьми.— Что?— Полумесяц. Он напоминал мне не возвращаться. Но я вернулась. Теперь он пусть напоминает тебе: я была здесь. Я была настоящей. Он сжал кулон в руке.— Я не сниму его никогда.— Я знаю. Она улыбнулась. Они лежали на крыше до рассвета. Смотрели, как небо розовеет. Как город просыпается.— Мне пора, — сказала она.— Я знаю.— Ты проводишь меня? Он кивнул. Они спустились вниз. Она взяла чемодан. Он стоял рядом. Не спрашивал. Не уговаривал.— Ты приедешь когда-нибудь? — спросила она.— Если ты позовёшь.— Я не позвоню.— Я знаю. Она улыбнулась. Пошла к такси. Не обернулась. Через год она стояла на балконе в новой стране. Смотрела на другой город. Она думала о той ночи. О крыше, о звёздах, о том, как они любили друг друга в последний раз. Она не жалела. Она не хотела вернуться. Но она помнила. Она улыбнулась. Открыла глаза. Посмотрела в небо.— Спасибо, — прошептала она. Она была свободна. И она была жива.

Рассказ 2. Стекланный потолок

Офис жил своей жизнью до полуночи. Свет горел в кабинетах, кофемашина гудела, кто-то печатал, кто-то говорил по телефону. Венчурный фонд «Альфа-Капитал» не засыпал раньше двух. Это был мир стекла, бетона и амбиций. Мир, где каждый шаг виден, каждое слово слышно, каждое движение оценивается. Екатерина сидела за столом в угловом кабинете с панорамными окнами. Стекланные стены, через которые видно всё, что происходит в офисе. Её кабинет был аквариумом, а она — рыбой, которая плавает на виду. Она привыкла. Она выбрала это сама. Высокая, тёмные волосы собраны в пучок. Очки в тонкой оправе — она носила их, когда уставала. А она уставала всегда. Костюм цвета «полночь». На вид — тридцать пять, но она старше. Тридцать девять. Она носила тридцать девять как наказание и как достижение одновременно. Она построила карьеру с нуля. Она прошла путь от стажёра до управляющего партнёра. Она знала, что за каждым её шагом следят. На столе стояла фотография в серебряной рамке — она, её мама и маленькая сестра. Мама умерла пять лет назад. Сестра живёт в другом городе. Она редко её видит. Работа отнимала всё. И ещё одна вещь — старая стекланный пепельница. Она не курила. Пепельница принадлежала её отцу. Он умер, когда ей было двадцать. Он был слабым человеком. Она поклялась себе, что никогда не будет слабой. Пепельница стояла на столе как напоминание. Каждый день она смотрела на неё и вспоминала, кем она стала. И кем она никогда не будет. За стеклом прошёл он. Высокий, светлые волосы, рубашка с закатанными рукавами. Арсений. Он нёс папку. Он не смотрел на неё. Он всегда не смотрел на неё, когда проходил мимо. Слишком прямо. Слишком честно. Она знала его имя. Она знала его номер телефона. Она знала, что у него нет девушки. Она знала, что он живёт один. Она знала, что он пришёл в компанию год назад и уже получил два повышения. Она знала всё. Потому что она — начальница. И она смотрит на всех. Но на него она смотрела дольше. Он сел за стол в открытом пространстве. Открыл папку. Начал читать. Она смотрела на него сквозь стекло. Чувствовала, как внутри поднимается что-то, что она каждый день гасила. Желание. Запретное. То, что рушит всё. То, что она не может себе позволить. Она знала, что граница незыблема. Она знала, что нельзя. Она знала, что если она сделает шаг — всё рухнет. Карьера, репутация, уважение. Но она знала и другое. Она не хотела останавливаться. Она сняла очки. Посмотрела на своё отражение в стекле. Увидела женщину, которая устала быть идеальной. Которая хочет быть просто женщиной. Которая хочет чувствовать. Которая хочет разрушить всё. Она нажала кнопку на телефоне. — Зайдите ко мне. — Сейчас? — Да. Он встал. Пошёл к её кабинету. Стекланная дверь открылась. Он вошёл. Он стоял у её стола. Смотрел на неё. Его глаза — серые, с тёмным ободком, внимательные. В них не было страха. Только вопрос. И что-то ещё — то, что он прятал. — Вы хотели меня видеть? — Да. — Она откинулась в кресле. — Мы работаем над проектом «Горизонт» почти год. Вы знаете, что я всегда довольна вашей работой. Он молчал. — Но сегодня я хочу поговорить не о работе. Он поднял бровь. В его взгляде мелькнуло что-то неуловимое. Понимание. И согласие. — О чём? — О границе. Он смотрел на неё. Молчал. Потом сказал: — О какой границе? Она встала. Подошла к нему. Остановилась в полушаге. Чувствовала его запах — кофе, бумага, чистый пот. Что-то тёплое, живое. — О границе между нами. Ты знаешь, о чём я говорю. — Знаю. — Ты чувствуешь её? — Да. — И что ты чувствуешь? Он помолчал. Она видела, как его пальцы сжали край папки. — Я чувствую, что я хочу её переступить. Она смотрела на него. Сердце билось быстрее. Но голос был ровным. — Ты знаешь, что это неправильно. — Знаю. — Я — твоя начальница. — Знаю. — Это разрушит всё. Он улыбнулся. Его улыбка была тёплой, чуть ироничной. — Я знаю. Но я всё равно здесь. — Почему? — Потому что ты меня позвала. Потому что я чувствую то же, что и ты. Потому что я хочу знать, что будет, если я перешагну через стекло. Она смотрела на него. Её пальцы коснулись его руки. — Что будет? — спросила она. — Ты хочешь узнать? — Да.

— Тогда иди за мной. Она повела его по коридору. Мимо столов, мимо стеклянных стен, мимо спящего офиса. Они прошли в переговорную — маленькую комнату без окон. Стеклянная, как и всё здесь. Но в ней было темно. Только свет из коридора падал на пол узкой полосой. Она закрыла дверь. В переговорной пахло маркером и тишиной. Стеклянные стены, стол, стулья. Единственное место в офисе, где можно было побыть наедине. И то — только ночью. Она стояла у стола. Он — у двери. — Ты знаешь, что ты делаешь? — спросила она. — Нет. — Тогда зачем? Он сделал шаг к ней. — Потому что я хочу тебя. Не начальницу. Не партнёра. Тебя. Катю. Она смотрела на него. В его глазах не было игры. Только желание. И честность. — Я твоя начальница. — Я знаю. — Ты не должен этого хотеть. — Я знаю. Она подошла к нему. Коснулась его лица. Провела пальцами по щеке, по губам, по шее. Он не двигался. Смотрел на неё. — У тебя есть кто-то? — спросила она. — Нет. — Почему? Он улыбнулся. — Потому что я ждал того, ради кого стоит нарушить правила. — А ты думаешь, я — та? — Я знаю. Она смотрела на него. — А у меня — нет. Уже три года. Я боялась. Я боялась, что кто-то увидит. Что кто-то узнает. Что кто-то скажет. — Что скажут? — Что я не имею права. Что я — начальница. Что я должна быть выше этого. Что я не могу быть слабой. Он взял её за руку. Его пальцы были тёплыми. Она чувствовала его пульс — быстрый, неровный. — А ты имеешь право быть слабой? — Нет. Но я хочу. — Тогда будь. Она сняла очки. Положила на стол. — Я хочу тебя, — сказала она. — Я хочу тебя. Он притянул её к себе. Поцеловал. Жадно, глубоко. Она чувствовала его дыхание, его руки, которые скользили по её спине. Чувствовала вкус его губ — кофе, бумага, лёгкая горечь, с ноткой мяты, которую он жевал перед встречей. — Стекло, — прошептала она. — Все видят. — Пусть видят. — Ты уверен? Он посмотрел на неё. Его глаза блестели. — Я никогда не был так уверен. Она улыбнулась. Она стояла у стола. Он — перед ней. Она расстегнула его рубашку. Провела пальцами по его груди, по тёплой коже, по родинке на ребре. Она смотрела на неё. Она хотела запомнить его тело. Каждую линию. — Откуда это? — спросила она. — Упал с велосипеда в детстве. Я думал, что я супермен. Ошибался. — Ты всё ещё думаешь, что ты супермен? — Только когда ты рядом. Она улыбнулась. Поцеловала его в грудь. Чувствовала, как его дыхание становится быстрее. Он целовал её шею, ключицы. Его руки сжимали её бёдра. Она слышала его дыхание, чувствовала его пальцы на своей коже. Она откинула голову назад. Чувствовала его губы, его язык, его тепло. — Мы не должны, — прошептала она. — Я знаю. — Это разрушит всё. — Я знаю. — Но я хочу. — Я тоже. Она сняла блузку. Осталась в чёрном кружеве. Он смотрел на неё, и в его глазах горел огонь. — Ты красивая, — сказал он. — Я старая. — Ты красивая. Она улыбнулась. Поцеловала его в губы. Медленно, глубоко. Его руки скользнули по её спине. Расстегнули лифчик. Он упал на пол. Он коснулся губами её груди. Она вздрогнула. Выгнулась навстречу. Чувствовала, как его язык скользит по соску, как его пальцы сжимают её талию. — Я хочу тебя, — прошептала она. — Я хочу тебя. Он опустился на колени перед ней. Его губы скользили по её животу, по внутренней стороне бедра. Она откинула голову назад. Чувствовала его дыхание на своей коже. Он поднял её юбку. Поцеловал её через кружево. Она застонала. Его пальцы скользнули под ткань. Нашли её влажную, горячую. Она сжала его плечи. — Я хочу чувствовать, как ты ломаешь меня, — прошептала она. Он не остановился. Его язык и пальцы работали в ритме, который сводил её с ума. Она чувствовала, как внутри поднимается волна. Как каждая клетка тела просыпается. Она слышала его дыхание, прерывистое и глубокое. Запах её собственного возбуждения смешивался с его запахом. Она чувствовала вкус его кожи — солёный, с ноткой кофе и пота. — Я сейчас, — выдохнула она. Он ускорился. Она застонала. Громче, чем хотела. Уткнулась лицом в его плечо. Она чувствовала, как пульсация проходит через всё её тело. Как он продолжает двигаться, продлевая её оргазм. Он поднялся. Она стояла перед ним, обнажённая, с бёдрами, всё ещё помнящими его прикосновения. Свет из коридора падал на её тело, делая его золотым. Она смотрела на него. Его рубашка была расстёгнута. Его дыхание было тяжёлым. — Теперь я хочу тебя, — сказала она. — Я тоже. — Я хочу, чтобы ты был во мне. Сейчас. Она легла на стол. Холодная поверхность

коснулась её спины. Он навис над ней. Смотрел в её глаза. — Ты уверена? — спросил он. — Я никогда не была так уверена. Он соединился с ней — медленно, чувствуя, как она дрожит в его руках. Она чувствовала, как он заполняет её. Как её тело отзывается на каждое его движение. Она обхватила его ногами. Притянула к себе. Он двигался в ритме её дыхания. Она закрыла глаза. Слышала только своё сердце. Его сердце. Их дыхание. Слышала, как за стеной, через тонкую перегородку, кто-то прошёл — шаги, голоса, тихий смех. Охрана. Она замерла. Он тоже. Шаги стихли. Она посмотрела на него. Он улыбнулся. Она поняла, что он тоже чувствует это — риск, опасность, близость. Она чувствовала вкус его кожи на своих губах — солёный, с примесью страха и желания. — Смотри на меня, — сказал он. Она открыла глаза. Смотрела в его глаза. Видела в них себя. Она смотрела в его глаза, не отрываясь, когда волна накрыла её. — Я хочу видеть твои глаза, когда ты кончишь. — Ты увидишь. Он ускорился. Его пальцы скользнули вниз, нашли центр её удовольствия. Круговые движения, ритм, нарастание. Она чувствовала, как внутри поднимается волна. Как его дыхание становится прерывистым. Как его пальцы и его тело — одно целое. — Я сейчас, — прошептала она. — Я с тобой. Она закричала. Громко, не сдерживаясь. Она смотрела в его глаза, не отрываясь, когда волна накрыла её. Её тело дрожало, выгибалось. Он чувствовал её — всю, без остатка. Она вцепилась в его плечи, и он замер. Поцеловал её в губы. Она лежала на его груди. Слышала, как бьётся его сердце. Только их дыхание нарушало тишину офиса. Стеклянные стены были пустыми. Где-то за стеной снова прошли шаги. Город продолжал жить. А они — только двое. — Я не думала, что это случится, — сказала она. — Я тоже. — Я боялась. — А теперь? Она подняла голову. Посмотрела на него. — Теперь я не боюсь. Он улыбнулся. — Я знаю. — Откуда ты знаешь? — Потому что ты не ушла. Она поцеловала его. — Ты знаешь, что это не повторится, — сказала она. — Знаю. — Это была одна ночь. — Я знаю. — Почему ты не споришь? Он улыбнулся. — Потому что я знаю, что это неправда. Она подняла голову. — Откуда ты знаешь? — Потому что ты не отпустишь. — Я должна. — Ты должна. Но ты не отпустишь. Она смотрела на него. — Ты слишком хорошо меня знаешь. — Я знаю тебя ровно настолько, чтобы понять: ты не хочешь останавливаться. Она поцеловала его. — Тогда не останавливайся. Она сидела за столом. Очки на месте. Костюм идеально отглажен. Стеклянные стены прозрачны. Она смотрела на офис, на людей, которые приходили на работу. Они не знали. Никто не знал. Он прошёл мимо. С папкой. С рубашкой с закатанными рукавами. Он не смотрел на неё. Как всегда. Но на его шее, под воротником рубашки, она заметила красный след. От её губ. Она улыбнулась. Зазвонил телефон. — Слушаю. — Это я, — сказал он. — Я знаю. — Ты не спишь. — Я никогда не сплю. — Я тоже. — Что ты хочешь? — Я хочу повторить. — Это невозможно. — Я знаю. — Тогда зачем ты звонишь? — Чтобы сказать тебе: я буду ждать. — Чего? — Когда ты будешь готова нарушить правила. Она смотрела в стеклянную стену. На отражение города. На свою жизнь, которую она строила двадцать лет. И на человека, который готов разрушить её ради неё. — Я уже нарушила, — сказала она. — Я знаю. — Тогда чего ты ждёшь? Он улыбнулся. Она слышала это в его голосе. — Твоего приглашения. Она смотрела на телефон. Потом на стекло. Потом на себя в отражении. Она взяла стеклянную пепельницу. Убрала в ящик. Она больше не нуждалась в напоминании о слабости. Она была свободна. — Сегодня в полночь, — сказала она. — Переговорная. — Я приду. Она положила трубку. Посмотрела на стеклянную стену. На город. На границу, которая была разрушена. Она знала, что это будет стоить ей всего. Но она знала и другое. Она не хотела останавливаться.

Рассказ 3. Последнее дыхание

В больнице всегда пахло смертью. Стерильной, выбеленной, притворной. Смесь хлорки, спирта и чужого страха, который въедается в стены. Наталья лежала на койке уже третью неделю. Кардиология. Седьмая палата. Окно выходит на старый парк. Она смотрела на деревья и считала дни до выписки. Ей сказали: «Операция прошла успешно. Ещё неделя — и домой». Она улыбнулась медсестре. Сказала: «Спасибо». Но внутри она не хотела уезжать. Потому что дома её никто не ждал. Пустая квартира на окраине. Холодильник с едой на неделю. Телевизор, который работает фоном. Она знала, что вернётся в ту же тишину, из которой сбежала в больницу.

На тумбочке лежали старые наручные часы. Серебряные, с треснувшим стеклом. Стрелки остановились на 3:47 — время, когда у неё случился первый приступ. Она не стала их чинить. Они напоминали ей, что время может остановиться в любой момент. Что жизнь — не бесконечность. Что нужно успеть. Что нужно чувствовать. Что нужно дышать. Она смотрела на часы и думала о нём. О враче, который заходил к ней каждое утро. О его руках, которые касались её запястья, проверяя пульс. О его голосе, который был ровным и спокойным. О его глазах, в которых она видела больше, чем просто профессиональное участие.

Он вошёл в палату в десять вечера. Без халата. Без стетоскопа. В рубашке с закатанными рукавами. Тёмные волосы, усталые глаза, пальцы, которые пахли никотином и кофе. Константин. Она заметила, что он держит в руках маленькую бумажную чашку с её любимым чаем — с бергамотом. Она не говорила ему, что любит бергамот. Она не говорила ему ничего лишнего. Она просто смотрела на него каждый день и ждала. Ждала его прикосновений. Его взгляда. Его голоса.

Она смотрела на него. Он подошёл к койке. Сел на край.

— Вам нельзя здесь находиться, — сказала она.

— Я знаю.

— Вас могут увидеть.

— Я знаю.

— Зачем вы пришли?

Он поставил чашку на тумбочку. Коснулся пальцами её разбитых часов. Провёл по треснувшему стеклу.

— Потому что я хочу дышать тобой.

Она замерла. В груди что-то дрогнуло. Не сердце — что-то другое. То, что она прятала годы. Она смотрела на него и чувствовала, как внутри поднимается жар. Она хотела, чтобы он остался. Она хотела, чтобы он снял с неё больничную рубашку. Она хотела, чтобы он коснулся её кожи. Она хотела чувствовать его дыхание на своей шее.

— Вы мой врач.

— Был.

— Что значит «был»?

— Я уволился сегодня. Утром подал заявление. — Он посмотрел на часы. — Я больше не твой врач. Я человек, который хочет остановить твоё время. Не на 3:47. Навсегда.

Она смотрела на него. Чувствовала запах чая — бергамот, цитрус, утро. Чувствовала его близость, его дыхание. Она чувствовала его запах — кофе, никотин, что-то тёплое, живое.

— Ты боишься? — спросил он.

— Да.

— Чего?

— Что ты уйдёшь. Что это — сон.

— Это не сон.

— Откуда ты знаешь?

Он взял её за руку. Приложил её ладонь к своей груди.

— Чувствуешь? Это не сон. Это я.

Она смотрела на него. Чувствовала его сердце — ровное, сильное. Она чувствовала его пальцы на своей руке. Она хотела, чтобы он не отпускал.

— Тогда останься, — сказала она.

— Я останусь.

Он сидел на краю койки. Её рука лежала в его ладони. Больничный свет падал на её запястье, и он видел, как бьётся кровь под тонкой кожей. Рядом лежали её разбитые часы. Он взял их. Взвесил на ладони.

— Почему ты не чинишь их? — спросил он.

— Они напоминают мне о том, что время не бесконечно.

— И что ты делаешь с этим знанием?

— Ничего. Боюсь.

Он сжал её руку.

— А если я скажу тебе, что время не остановится? Что оно продолжается. Что ты можешь начать заново.

— Когда?

— Сейчас.

Она смотрела на него. Его пальцы были тёплыми. Она чувствовала его пульс — быстрый, неровный.

— Ты не знаешь меня, — сказала она.

— Я знаю, что ты любишь чай с бергамотом. Я знаю, что ты смотришь на деревья по утрам и не знаешь, как жить дальше. Я знаю, что ты носишь эти часы, чтобы помнить, что жизнь коротка. Я знаю, что ты боишься умереть одна. Я знаю, что ты хочешь, чтобы я остался. Я знаю, что ты хочешь, чтобы я коснулся тебя.

Она смотрела на него. Внутри неё поднималось что-то, что она прятала годами. Она хотела его. Она хотела чувствовать его руки на своей коже. Она хотела, чтобы он снял с неё больничную рубашку. Она хотела, чтобы он целовал её, пока она не забудет, где она находится.

— Откуда ты всё это знаешь?

— Я смотрел на тебя. Каждый день. Когда ты спала. Когда ты читала. Когда ты смотрела в окно. Я смотрел на тебя и хотел тебя. Каждый день. Каждую ночь. Я хотел прийти к тебе и снять с тебя эту дурацкую рубашку. Я хотел коснуться тебя. Я хотел почувствовать твою кожу.

— Тогда сделай это, — сказала она.

Он взял её лицо в ладони. Посмотрел в глаза.

— Ты уверена?

— Я никогда не была так уверена.

Она наклонилась. Поцеловала его. Медленно. Глубоко. Он ответил. Она чувствовала его вкус — кофе, мята, горечь, с лёгкой сладостью бергамота, который остался на её губах. Она чувствовала его руки на своей спине. Она чувствовала его дыхание, его близость, его желание.

Она лежала на койке. Он стоял рядом. Свет из окна падал на её лицо, на её плечи, на её руки. Он провёл пальцами по её плечу. По ключице. По шее. Кожа была тёплой, гладкой. Она чувствовала его пальцы, его дыхание, его запах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.